

С каждым годом всё úже и úже становится круг моих друзей. В день своего рождения умер Валентин Григорьевич Распутин. Многие захотят меня поправить, дескать, неточность: умер поздно вечером 14 марта. По московскому времени всё было так. Но сибиряки говорят, да я и сам говорю: он умер 15 марта, в день своего рождения. В Сибири уже была глухая ночь 15 марта.

Целый год я не могу убрать с телефона ни его московский домашний номер, ни иркутский, ни сотовый. Ждал его звонка. Не верил в его кончину.

Да и до его книг с автографами, писем, открыток, телеграмм дотронулся только после годовщины со дня смерти.

Сейчас на моём рабочем столе стоит первый в России бюст В. Г. Распутина работы московского скульптора, народного художника России Николая Александровича Селиванова, который подарил его мне.

Значительное место в творчестве Николая Александровича занимает русская литература в лице её вернейших представителей: Михаила Ломоносова, Василия Шукшина, Павла Васильева, Николая Рубцова, Николая Клюева, Юрия Бондарева. Год назад эту галерею выдающихся людей пополнили прекрасные скульптурные портреты Василия Белова и Валентина Распутина. “Мне хотелось бы своими скульптурами оставить в памяти образы этих великих деятелей нашей культуры”, – говорит Селиванов. Хочу добавить: в настоящее время около 80 работ Николая Александровича хранятся в 38 музеях нашей страны.

Я не впервые пишу о Валентине Григорьевиче. Мои воспоминания и очерки о нём публиковались в региональной и центральной печати, писал я и в его защиту от нападок бойких журналюг и критиков. А вот как о человеке, земляке начал писать не так давно. Хотя знакомы мы с Валентином Распутиным были с далёкого 1965 года, когда он делал свои первые шаги в литературе. Мы тогда ещё не назвали отчество, были молоды и нетерпеливы.

После его смерти многие люди, как я заметил, стали очень интересоваться его биографией. Что-то находят для себя интересного: сейчас у Распутина столько “друзей” появилось, что знают всё о нём, даже чем он болел.

Вячеслав Огрызко в своей статье “Возможен ли прорыв” (“Время Русь собирать”, М., 2005) пишет: “Он очень долго умалчивал о своих родителях”. Это с чего бы?

Родился Валентин Григорьевич в районном центре Усть-Уда Восточно-Сибирской (ныне Иркутской) области. Папа Валентина Григорий Никитович работал в Усть-Удинском лесничестве лесником, часто ездил в другие деревни по служебным делам (тушить пожары, караулить порубщиков леса). После свадьбы работал экспедитором в райпотребсоюзе.

Когда семья в 1938 году переехала в Аталанку, отец устроился работать сопровождающим почту при Аталанском отделении связи, а жену его, Нину Ивановну, приняли на работу на должность письмоносца – почтальона. Однажды в Доме творчества в Переделкино я спросил у Валентина Григорьевича: почему именно в Аталанку? Деревню Аталанка не найти на картах Иркутской области, разве что на самых подробных.

“Дело в том, что в этой деревне жила вся огромная семья Распутиных, жил дедушка Никита Яковлевич с бабушкой Марией Герасимовной (в девичестве Черновой), – начал свой рассказ Распутин. – А вот откуда дедушка появился в Аталанке и женился на бабушке – вопрос для меня до конца не изучен. В Нижнеудинском районе нашей области жили да и живут много тофаларов, жили деревнями (сейчас перемешались все и не понять, где русские, где тофалары). Вот дедушка, видимо, из тех краёв.

В моей крови помешано много: и польская, и цыганская, и тунгусская, и русская, – сказал мне тогда Валентин Григорьевич. – Вот либералы говорят и говорят на всех экранах: “Мы – россияне”. Какой это я россиянин? Да, у меня в паспорте нет графы национальность – убрали. Сколько я был за границей, то слышал только – русский. Да и ты, Эдуард, как я заметил, разных кровей. Не ошибаюсь?

– Нет, Валентин Григорьевич, вы правы. Прадедушка по отцовской линии – поляк, фамилия Бонзо, был управляющим золотыми приисками в Минусинском уезде Красноярского края. Прабабушка из богатого казачьего рода Анашкиных. Но брак свой они не оформили, потому что прадедушка католик, а прабабушка – православная, хотя и любили друг друга. А другая, по отцу, – сербка, прадедушка – из Молдавии. При строительстве Транссибирской магистрали всех их выселили в Петровск-Забайкальск Забайкальского края. Со стороны матери я целиком русский. Вот с именем “Эдуард” – неувязка.

– Как понять это? – заинтересованно спросил Распутин.

– В 1948 году мои родители приехали в отпуск на родину матери в Орловскую область. Вот здесь-то моя бабушка возмутилась: как так внук некрещёный?!

Решили покрестить, но батюшка посмотрел книги, не нашёл в них имя Эдуард и предложил родителям, на дворе был месяц октябрь, назвать меня Сергеем. Вот и крещён я под этим именем, а в документах так, как называли родители.

Василий Григорьевич громко рассмеялся и произнёс:

– Всё ясно. Настоящий сибиряк!”

В 1939 году в семье Распутиных хлопот прибавилось – родилась дочь – сестра Валентина Григорьевича, которую называли Альбиной, но в деревне, да и все родственники её звали просто Ага.

Весть о начале войны в Аталанку запоздала (радио в селе не было), а узнали люди из газеты “Правда”, приехав с пахоты.

В списке призывников на фронт был отец Валентина Григорьевича Распутин – Григорий Никитович. На военные сборы он убыл 19 июля 1941 года. Вслед за Григорием ушли десятка два его односельчан, а также родственники: сестра отца Клавдия Никитовна, брат Виктор Никитович, зятя: муж сестры Александры – Алексей Анциферов, муж сестры Кристины – Алексей Спиринов.

Виктор Никитович Распутин, как и многие аталанцы, не вернулся домой, погиб в 1942 году под Сталинградом. Зять Алексей Терентьевич умер от ран в 1944 году над Витебском.

На фронт призывался и дедушка писателя Никита Яковлевич Распутин, он воевал под Ленинградом, участвовал в прорыве блокады, получил тяжёлое ранение, после лечения был комиссован.

Григорий Никитович воевал на мурманском направлении. На этот северный порт наступал отборный горно-егерский корпус фашистов. Распутин был одним из тех, кто своей грудью встретил первый удар врага. Здесь он получил ранение. А затем, после лечения – опять в строй, на защиту Отечества.

“Папа вернулся домой 7 октября 1945 года, – пишет мне сестра Валентина Григорьевича, Альбина Григорьевна, – в орденах и медалях. О фронте отец ничего внятного не рассказывал, всё больше отмалчивался, может, не хотел говорить об этом мне и Валентину?” А в самой Аталанке старожилы деревни вспоминали, что земляк попадал в тыл к немцам, что ночевать приходилось в разных местах, даже на кладбище, и что вышел он из окружения вместе со своим ротным командиром.

В ноябре 1945 года папа поступил на работу в Аталанское отделение связи, работал начальником отделения, — вспоминала Альбина Григорьевна, — а мама уже работала контролёром на почте.

В 1946 году в семье Распутиных родился третий ребёнок — сын Геннадий. И тогда произошла трагедия.

Григорий Никитович, в очередной раз получив крупную сумму денег как начальник отделения связи для выплаты рабочим в Аталанке, встретился в райцентре с друзьями. Встречу хорошо отметили, а на пароходе он заснул. Нашёлся какой-то подлец, срезал сумку с деньгами, и загремел Распутин в Магадан, на рудники на 7 лет. Вернулся домой по амнистии только в 1953 году, совсем больной.

Его приняли на работу десятником в Замараевский лесозаготовительный пункт Аталанского леспромхоза. Умер Григорий Никитович в 1974 году в возрасте 61 года. Похоронен он в Аталанке, там же, где похоронены его отец и мать, похоронен его младший сын Геннадий в 2001 году и многочисленная родня Распутиных-Черновых.

— После похорон отца маму — Нину Ивановну — я взяла к себе в Братск, — это снова Альбина Григорьевна. — Прожила она у меня до 85 лет и похоронена в Братске. Мы с ней каждый год, как только наступала весна, на “Метеоре” уплывали в Аталанку и жили там в родном доме до глубокой осени. Возились на огороде, заготавливали грибы и ягоды.

— Отца я, конечно, простил за его грех, хотя и признаю, что не сразу. Конечно, очень досталось маме, — рассказывал Валентин Григорьевич при нашей последней встрече в Иркутске на Всероссийском литературном празднике “Сияние России”, — о работе на почте уже не шло и речи. Да и наши деревенские не сразу поверили, что сумку у отца украли; судачили, как говорят в Сибири: “прикарманил”. И вот мама, которую я сильно любил до самой её смерти, с грудным ещё ребёнком, сестрой и со мной переехала в деревню Замараевку. Здесь находился лесозаготовительный пункт, и мама устроилась на работу банщицей в казённую баню. Целый день то на коромысле, то на руках носила воду для бани. Труд очень тяжёлый, но надо было как-то кормить нас, ребятишек. А как тяжело жили мы в Аталанке во время войны! Вспоминать не хочется, — Распутин посмотрел на меня и положил руку на плечо. — После похоронки на мужа в 1944 году в Аталанку вернулась в родительский дом отца-сестра Кристина со своими четырьмя малыши детками. Мать, моя бабушка, Мария Герасимовна, отдала ей большую часть дома, а в маленькой поселилась сама со своими детьми Татьяной и Леонидом. Здесь же жили и мы с мамой.

Непростая судьба у Леонида Никитовича. Как и многие его сверстники, в годы войны работал он наравне со взрослыми на лесозаготовках.

— Мужиков тогда не хватало, они воевали на фронте, очищали нашу землю от фашистов, но планы лесозаготовок никто не отменял. Вот и собирали и старых, и малых. Я в бригаде валила лес, а Леонид был возчиком, перевозил брёвна на лошадях, — рассказывала Полина Николаевна Распутина, которая в дальнейшем стала женой Леонида.

Кристина Никитовна тоже не блины пекла на лесозаготовках: валила лес, рубила сучки. Нина Ивановна Распутина, мама Валентина Григорьевича, продолжала работать на почте. А так как только одна Мария Герасимовна из всей родни трудилась в колхозе “Память Чапаева”, то и делянку для покоса ей давали одной. Вот и приходилось держать одну коровёнку. А что это значило для семьи из 12 человек? На стакан чая — две ложечки молока.

— Тяжело было, — вспоминает Альбина Григорьевна. — Мы с Валею глубокой осенью и ранней весной ходили на колхозные поля, где выращивали картошку. Неважно было, какая картофелина попадалась, всё несли домой. А осенью нас выручал лес — грибы, ягоды: и брусника, и клюква, и облепиха, и голубика, и смородина. Всё заготавливали бочками.

— Это в городе тяжело, — рассказывал мне Валентин Григорьевич о тех годах, — нас же выручал лес — грибы и ягоды.

Здесь, в Аталанке, Валя Распутин успешно окончил начальную школу, и перед матерью встал вопрос: что делать дальше? И Нина Ивановна приняла решение: сын должен учиться. Он был первым из деревни, кого повезли в среднюю школу, в райцентр Усть-Уде.

О том, как он жил и учился в школе райцентра, рассказано в его знаменитом рассказе “Уроки французского”. Окончив в 1954 году школу с медалью,

Распутин поступает на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. В студенческие годы стал подрабатывать нештатным корреспондентом областной молодёжной газеты “Советская молодёжь”.

На физмате университета училась старшая дочь известного иркутского поэта, первого председателя иркутской писательской организации Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского, Светлана. Они познакомились, стали общаться, а затем дружба переросла в любовь. Это произошло летом 1960 года.

В 1959 году Валентин Распутин окончил университет и стал работать корреспондентом в областной молодёжной газете, где в студенческие годы был внештатником. С 25 февраля 1961 года Валентин и Светлана стали жить вместе, а официально зарегистрировались 11 октября этого же года.

21 ноября в семье Распутиных появился малыш – сын, которого назвали Серёжей.

В 1962 году Светлана окончила университет и получила направление на работу преподавателем высшей математики Красноярского технологического института. В августе месяце они с Валентином уехали в Красноярск, где и получили комнату в общежитии для педагогов. А Распутин устроился на работу в областную газету “Красноярский рабочий”.

Здесь хочется сказать несколько слов о Виктории Станиславовне Молчановой – теще Валентина Григорьевича Распутина. Он её не только уважал, но и любил. На книге Валентина Распутина “Что передать вороне?”, изданной в Кургане в 1995 году, которая хранится у младшей дочери Евгении Молчановой, такой автограф:

“Жил-был зять... и была у него одна тёща (а посмотрите-ка, сколько теперь у зятьёв бывает тещ!), и этот зять дарит своей единственной теще в день её юбилея юбилейную книгу не в последний раз. Итак – Виктории Станиславовне, любимой теще, от зятя Валюши.

В. Распутин. 14 апреля 1996 год”.

“У каждого из нас своя Матэра”

I

В моём рабочем кабинете стоит один-единственный книжный шкаф, который очень дорог мне. Книг в доме много, они стоят в других комнатах на книжных полках. Но этот – особенный. Даже друзья-приятели, которые приезжают ко мне, прозвали его ласково “забайкальским”. В нём стоят книги и журналы участников и руководителей семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, который прошёл в Чите с 6 по 16 сентября 1965 года. Я присутствовал на нём, получив гостевой билет.

От имени организаторов семинара – ЦК ВЛКСМ и Правления Союза писателей РСФСР – участников форума приветствовал Леонид Сергеевич Соболев: “Пожалуй, только здесь я понял значение и масштаб встречи, которую мы с вами начинаем сегодня в гостеприимной столице Забайкалья Чите. Она, как радушная хозяйка, встретила нас лазоревым сибирским небом и улыбками горожан...”

Пока писатели общались, читатели тоже времени не теряли – задолго до выхода писателей к читателям начался книжный базар. На стоящих тут же персональных именных столиках продавались авторские книги, а сам автор сидел тут же и, буквально не разгибая спины, давал автографы читателям.

Помнится, я подошёл к столику председателя правления Читинской писательской организации, детского поэта – Георгия Граубина, купил его книгу “Говорящие каракули”, куда автор вписал мне тёплый автограф. Обратив внимание, что под мышкой я держу не так уж много книг, Георгий Рудольфович посоветовал мне присоединиться к группе молодых парней: “Может, они тебе какие-то книги подарят...” Ребята, стоявшие тесным кружком, вели запальчивый спор. На моё присутствие почти не отреагировали, горячо обсуждая какой-то рассказ. Я пригляделся, прислушался к спору и понял, что речь идёт о рассказе вот этого кареглазого, с юношеским овалом лица и такой, на мой взгляд, неуместной на его лице бородой, парня. Это был Геннадий Машкин. А рядом, горячо жестикулируя в пылу спора, стояли Дмитрий Сергеев, Вячеслав Шугаев, Александр Вампилов и молчаливый, как мне показалось, глядящий

испольбляя своими чёрными пытливыми глазами Валентин Распутин. К нему я и обратился с просьбой подарить книгу. Распутин как-то по-детски улыбнулся: “Пока не могу. Вот выйдет книга – тогда и подарю с радостью...” Так состоялось моё знакомство с будущим классиком отечественной литературы.

Проходил семинар в аудиториях медицинского института, двенадцать творческих групп работало на нём. Пять групп прозаиков, пять – поэтов и две группы драматургов. Мне посчастливилось принять участие в работе двух прозаических групп, где руководителями были Франц Николаевич Таурин и Борис Александрович Костюковский – первый ответственный секретарь Читинской писательской организации со дня её образования, и уроженец Кемеровской области, прозаик Владимир Алексеевич Чивилихин.

Он оценивал своих подопечных по степени значимости и относил к трём группам. К первой он отнёс тех, чей уровень литературной подготовки был невысок и кого пригласили участвовать в семинаре как бы авансом. Во вторую группу попали семинаристы, пишущие умело, даже профессионально, но, как говорили тогда, “не заставляющие читателя переживать, не допускающие под черепную коробку ежа”. А третья группа – это открытые на семинаре таланты. К ним принадлежал, прежде всего, Распутин, чей рассказ “Ветер ищет тебя” Владимир Алексеевич прямо из Читы продиктовал в Москву по телефону в редакцию “Комсомольской правды”. Потом я узнал, что 9 сентября у книжного киоска около окружного Дома офицеров ещё до открытия его выстроилась длинная очередь. “Комсомольская правда” шла нарасхват, многим даже не хватило. А 10 сентября в № 37 “Литературная Россия” дала рассказ Валентина Распутина “Я забыл спросить у Лёшки”. К этому приложил руку и сам Леонид Соболев: “Ещё очень молодой, весь в поисках, иногда удачных, иногда неудачных... Мы имеем дело с редким дарованием, он привлекает углублённой психологичностью, смелостью, с которой берётся за сложные вещи. В языке у него нет бесцветности, бесплотности, фразы иногда сложные, но они сработаны из точного лексического материала. Мы верим, что из него получится хороший писатель...” Да и сам Валентин Григорьевич в дальнейшем так сказал о форуме: “Я был участником читинского семинара, благодаря ему я стал писателем, потому что неизвестно, как сложилась бы моя судьба, не получи я одобрения первым своим рассказам в Чите в 1965 году. Для меня поэтому читинский семинар – одно из самых памятных и этапных событий в жизни”.

На заключительном заседании семинара Владимир Чивилихин точно предсказал: “Мне почему-то кажется, что великий художник, которого мы с нетерпением ждём, придёт из Сибири. В Сибири есть всё: язык нетронутый, есть правда особая, бодрящая, которая зовёт меня не к созерцанию, а к действию. В Сибири сосредоточены политические, экономические, моральные и другие проблемы. В Сибири характеры крепкие, крупные, которые отражают психический склад сибиряка. Наконец, Сибирь живёт на земле, дорогой для всех народов. И в Сибири сложнее, чем где бы то ни было. Мы уверены, что именно Сибирь даст художника, которым будет гордиться человечество...”

II

Распутин выполнил своё обещание, данное мне на центральной площади Читы: подарил мне книгу... и не одну. Среди книг Распутина стоит и моя книга рассказов и повестей “Запрягу судьбу я в санки”, предисловие под названием “На добро – добром” написал Валентин Григорьевич.

Мы часто встречались с ним в Москве в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, в Доме творчества в Переделькино, в его квартире на Старокоюшанской и в Иркутске, на улице 5-й Советской армии. Эти встречи не были не только радостны, но и поучительны. Распутин ко мне всегда относился по-братски внимательно и дружески-нежно.

Вот его тоненькая книжка, изданная на простой бумаге без переплёта в Иркутске в 1981 году. Это рассказ “Уроки французского” с дарственной надписью: “Эдуарду Анашкину с низким поклоном за своё давнее и бывшее. В. Распутин”. Рассказ посвящён Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери друга Распутина Александра Вампилова, талантливому педагогу и замечательному человеку.

Валентин Григорьевич так говорил о создании своего рассказа: “Я описал своё детство в рассказе “Уроки французского”. Конечно, есть вымысел,

учительница не играла со мной на деньги, но она на самом деле присылала мне посылки с макаронами. Я ими кормился. И потом, когда стал писать рассказ, одних макарон для сюжета явно не хватало, пришлось выдумывать. И вся деревня так жила, думаю, вся крестьянская Россия так жила. . .”

В моей папке под названием “Уроки французского” Валентина Распутина собран большой материал об этом рассказе. Здесь высказывания критиков, прозаиков, материалы с диспутов и вечеров по этому рассказу, но мне ближе всего высказывание иркутского критика Валентины Семёновой, написанное коротко, ёмко, ярко: “Уроки французского”, на самом деле – это уроки русской жизни, принявшей тягостное, неласковое русло. Конец сороковых, послевоенные годы, Сибирь... одиннадцатилетний отрок получает первый опыт пути против течения. Путь этот удивителен тем, что не стал жёстким ответом на жёсткость времени. Противостояние шло по другой линии: выдержка, терпение, преодоление себя. Что заставляло его так держаться? Детская душа – как зерно, из которого прорастают побеги будущего характера. И видно по всему, душа героя рассказа “Уроки французского” была изначально рождена вместе с повестью. Совесть повела от первых уроков к “заданию на жизнь” – именно так было осознано писательское призвание автором “Матёры”, и “Моего манифеста”.

Заданием стало неколебимое стояние за тысячелетнюю Россию – с её Сибирью, Байкалом, Сергием Радонежским, с её литературой, уронить величие которой нельзя, как нельзя утратить доверие учителей. Уроки горькой правды о дне нынешнем превозмогаются уроками любви, веры в преодоление отчаяния, веры в то, что наступит подъём духовных сил народа, и он не поддастся натиску материалистического мирового порядка. . .

Главный урок Распутина: зло побеждается не злом, а накоплением и единением сил добра, и победить можно. . .”

Я очень долго искал прототип героини рассказа – учительницу французского языка Усть-Удинской средней школы Лидию Михайловну Данилову. И помогла мне её следы найти собственный корреспондент центральной “Российской газеты в Поволжье” Валентина Зотикова.

Родилась Лидия Михайловна в 1929 году в Москве, в Орлинском переулке. В 1937 году семье пришлось поменять адрес, когда отец – сотрудник наркомата лёгкой промышленности, – чтобы избежать участи сослуживцев, попавших в жернова репрессий, отправился работать в далёкое Забайкалье, в город Сретенск, который расположен на реке Шилке. Здесь же Лидия Михайловна окончила среднюю школу и поступила на факультет французского языка Иркутского государственного педагогического института. А после завершения учёбы получила направление на работу в таёжный райцентр Усть-Уда. Здесь ей предстояло учить ребятшек французскому языку в местной средней школе. И конечно, тогда, вышагивая в туфлях на каблуках по тротуару, сделанному из сосновых досок, молодая учительница с чемоданом в руке вовсе не догадывалась, что этот глухой сибирский посёлок станет особой вехой в её жизни.

Первое время она, как писала впоследствии в письме местному краеведческому музею (и честь ей и слава, что не скрывала этого), “плакала по ночам и проклинала день и час, когда сошла здесь с парохода”.

Поначалу ей самой пришлось многому учиться: носить воду из колодца, топить печь, колоть дрова. Но начинался день, и она, легка и молода, открыта и стремительна – подлинная француженка. Конечно, ей трудно было перебороть собственный страх и неуверенность. И было отчего: новенькую “француженку” назначили классным руководителем самого “хулиганского” в школе восьмого “Б”, в котором из двадцати шести учеников шестнадцать были “двоечниками”. “Я поначалу боялась их, как чёрт ладана”, – признавалась она спустя годы. К счастью, сами сорванцы-подростки в поношенных ватниках с холщовыми сумками, глядя на свою всегда спокойную и строгую “классную даму”, не догадывались об этом.

А вскоре жители Усть-Уды перестали жаловаться директору школы на их выходки. Чтобы ребята после уроков не болтались по улицам, Лидия Михайловна организовала для них драматический кружок. Через год класс было не узнать: за это время ей удалось не только подтянуть успеваемость, но и подружиться со своими учениками – хотя иногда это считалось “непедагогичным”. Как об этом здорово сказано в стихотворении “Урок французского” поэтессы Надежды Мирошниченко из Сыктывкара:

*Уроки французского! Тёмный заснеженный вечер.
И русская девушка в дальнем сибирском краю
Голодного мальчика учит изысканной речи,
Французской фонетике вместе со словом “люблю”.*

*Он так одинок, этот мальчик, и так простодушен.
Он очень талантлив, но очень, к тому же, строптив.
И как она хочет согреть его чистую душу,
Её чистоты и доверия не замутив.*

*“Учителке” страшен далёкий раскат канонады,
Москва затемнённая и в похоронках село.
Но русский язык защищать тогда было не надо:
Все русскими были — и это к победе вело.*

*А юная девушка, странная, словно из книжки,
С своим “силь ву плэ” и своим простодушным “мерси”,
Спустившейся с неба тому представлялась мальчишке —
Таких он не видел ещё до сих пор на Руси.*

*Уроки французского — памяти сладкая дрёма,
Где мирное небо, и солнце — ковригой большой...
Где три мушкетёра, где радостно и невесомо...
А эта “учителка” — фея с прекрасной душой.*

Одним из немногих, кто не доставлял Лидии Михайловне хлопот, был Вала Распутин — тихий скромный мальчик с последней парты. Хотя ему, оторванному от родного дома, в полугодные послевоенные годы приходилось куда сложнее, чем одноклассникам. И молодая учительница хорошо это знала.

— Мама всегда уверяла, что никакой особой роли в судьбе будущего писателя она не сыграла, — вспоминает младшая дочь Лидии Михайловны, живущая ныне в Нижнем Новгороде Татьяна Пономарёва. — Незадолго до её отъезда был такой случай: ребята решили сделать ей подарок к празднику, и не знали, что выбрать. Тогда они просто собрали деньги. А мама была удивительный человек, когда ей дарили, к примеру, книгу, она тут же старалась подарить что-то взамен. Конечно, отказалась: “Ребята, я не возьму”. Те обиделись: “Мы же от чистого сердца! Что же теперь — обратно раздавать?..” Тогда она сказала, что ей будет очень приятно, если они помогут однокласснику Вале Распутину — он лежал в больнице... “Да разве он возьмёт? Вы же знаете — он у нас гордый, хоть и тихоня”. Но мама нашла выход: по её совету дети сказали, что деньги — от родительского комитета... “Будешь работать — вернёшь”. Уж не знаю, кто рассказал потом ему всю правду. Знаю лишь, что долг тот он школе отдал.

К тому времени в жизни молодой учительницы произошли важные перемены: там же, в Усть-Уде, она познакомилась с парнем — горным инженером Николаем Молоковым, полюбила его и вышла замуж. А вскоре уехала с ним в шахтёрский город Черемхово Иркутской области, куда супруг получил назначение на работу. Семейное счастье Лидии Молоковой было недолгим: в 1961 году в дом пришла беда — погиб муж... В тридцать два года она осталась вдовой с двумя маленькими дочками на руках. Мать её уже перебралась из Забайкалья к родственникам в Мордовию. Лидия Михайловна с детьми отправилась к ней.

В то время в Саранске в университете открылась кафедра французского языка, и Лидию Михайловну взяли на работу.

— Первым нашим домом стала комната в преподавательском общежитии, — рассказывает Татьяна Пономарёва. — Размещались мы там с трудом: старшая сестра Ирина спала на диванчике, а я — вместе с мамой. Но я не помню, чтобы мама когда-нибудь унывала и жаловалась. Уже на склоне лет она как-то сказала мне: “Вот, все говорят — “тяжёлое время”. А мне никогда не жилось тяжело!..”

Однажды на факультет французского языка университета имени Огарёва пришла разнарядка: искали преподавателей для работы в Камбодже, и Лидия

Михайловна сразу решила: “Еду!” Молокова была хорошим педагогом, поэтому в институте кхмеро-советской дружбы уже через год её назначили заведующей кафедрой, хотя там работали преподаватели из лучших вузов СССР. Впоследствии она стала командором камбоджийского королевского ордена.

По завершении командировки в Камбоджу Лидию Молокову послали в Алжир. Там она преподавала в школе кадетов революции — заведении полувоспитанного типа, где учились дети, чьи родители погибли во время революционных событий. Дочери в это время учились в Подмосковье, в интернате Министерства иностранных дел — там находились дети, родители которых работали за рубежом. А когда Лидия Михайловна вернулась из Алжира, она получила, наконец, квартиру на юго-западе Саранска.

В маленькой “двушке” на проспекте 50-летия Октября жили три поколения Молоковых. Лидия Михайловна забрала сюда свою старенькую маму и свекровь, оставшуюся в том самом сибирском посёлке Усть-Уда.

Когда её спрашивали, зачем взваливать на себя такую ношу, она отвечала коротко и ясно: “На меня мои дети смотрят”.

А последняя командировка Лидии Молоковой была во Францию, в парижскую Сорбонну, где она начала вести практические занятия на кафедре славистики. Там ей довелось познакомиться с литературным творчеством своего бывшего ученика. О Распутине она услышала на лекции о современных советских писателях. Тут же всплыл в памяти мальчик из далёкого сибирского района: неужели тот самый?

В Париже Лидия Михайловна часто приходила в магазин русской книги “Глоб”, что в Латинском квартале города. Один из визитов в магазин запомнился ей на всю жизнь. Она познакомилась с актёром Владимиром Ивашовым, который приехал во Францию представлять знаменитый фильм “Баллада о солдате”. Во время беседы с Ивашовым к ней подошла продавщица: “Вы интересовались книгами Валентина Распутина? К нам поступил его сборник!” Открыв пахнущий типографской краской томик, она пробежала глазами биографию автора, в оглавлении наткнулась на рассказ “Уроки французского” и, быстро пролистав страницы, стала читать... “Что с Вами?” — спросил Ивашов, увидев, как лицо собеседницы внезапно покрылось красными пятнами, а в уголках глаз заблестели слёзы. А когда Молокова сбивчиво объяснила, в чём дело, почтительно поцеловал её руку и тоже купил книгу.

Лидия Михайловна написала автору прямо из Парижа, на конверте вывела так: “СССР. Иркутск. Валентину Распутину”. А через некоторое время получила ответ: “Я знал, что Вы отзовётесь...”

— Валентин Григорьевич удивительный человек, — вспоминает дочь Татьяна. — Свои письма к маме он подписывал: “Ваш старательный и бестолковый ученик” или просто “Ваш Валя” и постоянно звал её в гости. Мама воспользовалась его приглашением. Вернувшись, рассказывала, с каким теплом встречали её хозяин и его супруга Светлана Ивановна, милые скромные люди, о настоящем сибирском угощении — пирогах с рыбой и особым “немещанском” уюте в их доме. Продолжал он писать маме и потом, когда она переехала из Саранска в Нижний Новгород — поближе ко мне, внучке Кате и правнучку Артёму. Затем мама тяжело заболела и уже не могла писать, и Валентин Григорьевич звонил, чтобы справиться о её здоровье.

В семье Лидии Михайловны Молоковой бережно хранят её архив. В толстой стопке писем от писателя последней лежит телеграмма: “С болью в сердце узнал о кончине Лидии Михайловны, моей дорогой учительницы и мудрой наставницы. Не стало её, и тяжесть до конца моих дней легла на сердце и душу. Поклонитесь ей в последние минуты и от меня тоже...”

К этому времени Валентин Григорьевич Распутин — выходец из далёкого иркутского села — стал писателем: русским, советским, мировым...

Каждый год с весны до осени Распутины жили в Иркутске, а зимой — в Москве. В Иркутске они большую часть времени проводили на даче. Скуцали без дочери Марии, ждали её. Ждал её и город. Как обычно, приезжая летом домой, давала она концерт в органном зале. Дочь у Распутиных — третий ребёнок — была их радостью. Она появилась на свет в 1971 году. Девочка была крепкая, здоровая, но всегда, с самого раннего возраста, хотела быть самостоятельной и обладала сильным характером. Очень ярко отражено это в рассказе её отца “Что передать вороне?” Вот небольшой отрывок из него.

Я забегал на исходе дня в детский сад за дочерью. Дочь очень мне обрадовалась. Она спускалась по лестнице и, увидев меня, вся встрепенулась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь: она не рванулась ко мне, а быстро овладев собой, с нарочитой сдержанностью и нетропливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врождённый, но не затвердевший ещё характер, каких усилий стоит ей сдерживаться и не кинуться мне на шею...” Будучи подростком, Мария не любила, чтобы на неё обращали внимание, фотографироваться или сниматься на видеокамеру отказывалась категорически, избегала попадать в кадр.

Она многое успела сделать в этой жизни: с отличием окончила теоретическое отделение Иркутского музыкального училища, Московскую консерваторию и аспирантуру по двум специальностям – теория музыки и орган, прошла годовую стажировку по органу в Германии, в Любеке, защитила диссертацию, преподавала в Московской консерватории и руководила редакционно-издательским отделом, пела в хоре Сретенского монастыря... Она постоянно была в движении, в работе, в творческом поиске. 9 мая 2006 года дочь Валентина Григорьевича и Светланы Ивановны летела самолётом, совершающим рейс по маршруту Москва–Иркутск. Уже по городу были расклеены афиши о её предстоящем концерте... Светлана Ивановна с сыном Серёжей приехали в аэропорт встречать Марию, а Валентин Григорьевич остался на даче. Самолёт А-310 совершил посадку, было объявлено, что он успешно приземлился, но – неожиданно стал набирать скорость, выехал за пределы взлётной полосы и врезался в гаражи, стоящие рядом с аэропортом... Возник пожар, спастись удалось немногим. 124 человека погибли, и среди них – Мария Распутина. А впереди для родителей было самое ужасное – опознание. Опознать удалось по кресту, он у неё был необычный.

Телеграммы, письма, соболезнования шли нескончаемым потоком. Вот одна из телеграмм: “Дорогие Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна! С чувством глубокой скорби узнал о трагической гибели вашей дочери Марии Валентиновны! Примите искренние соболезнования! Православная Москва знала Марию как усердную прихожанку, певчую народного хора Сретенского монастыря и сотрудницу его издательства. Москва музыкальная помнит её как талантливого органиста, вдохновенного исследователя, внимательного педагога. Кроткий и светлый облик Марии навсегда останется в памяти всех, кому посчастливилось с ней общаться. Благодарю Бога, что перед своим отъездом, в праздник Владимирской иконы Божией Матери, Мария исповедовалась и причащалась Святых Христовых Таин, а накануне вылета пела на Божественной Литургии. Всё это вселяет в нас твёрдую надежду на милость Божию. Господь, Своим неизречённым Промыслом призвавший Марию в вечные обители, да успокоит её в селениях праведных. Вам – силы пережить горе, постигшее Вашу семью. С уважением, – Алексей, Патриарх Московский и всея Руси”.

Как хорошо сказал о ней профессор Московской консерватории, заведующий кафедрой теории музыки (на которой работала Мария) Александр Сергеевич Соколов: “За свою недолгую, трагически оборвавшуюся жизнь Мария Валентиновна Распутина успела сделать очень многое. Маша была по-настоящему талантлива, и это проявлялось во всём, за что она бралась, – будь то исполнительство, наука или педагогика. До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что нет теперь рядом этого удивительно честного, доброго, чуткого человека”.

После смерти Марии жизнь в семье Распутиных разделилась на “до” и “после”. Такое горе вынести было трудно даже такому сильному и волевому человеку, какой была Светлана Ивановна. Да, рядом был муж, был сын, была внучка Тонечка, появился внук Гриша, внучка Любочка, но Марии-то не было!

Валентин Григорьевич отказался от многих праздничных мероприятий на следующий год – год своего семидесятилетия. А Светлану Ивановну после гибели дочери подкосил сильный стресс.

Но Распутины всё чаще и чаще вспоминали о грядущем в их жизни юбилее – 50-летию совместной жизни. В канун золотой свадьбы в 2010 году Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна венчались в храме в честь иконы Божией Матери, именуемой “Касперовская”, которая находится в лесочке, рядом с Князе-Владимирским храмом по улице Лесной, 145. Венчал протоиерей Алексей (Серединов).

Светлана Иванова Распутина, жена Валентина Григорьевича, была незаурядной, многогранной личностью. После её смерти остались дневники, которые она вела до замужества: две общие тетради, в которых записывала все свои сокровенные мысли, размышления о жизни, понравившиеся ей стихи, отрывки из прозаических произведений, впечатления о прочитанном. Я очень благодарен сыну Распутиных Сергею, который разрешил использовать мне в этой статье некоторые записи Светланы Ивановны:

“20.12.1959.

То, что пишу здесь, это какая-то очень малая частица моего “я”. В жизни столько весёлого и грустного, просто милого и радостного, и печального, и тревожащего, а я пишу как-то немного однобоко. И иногда становится страшно, что многое растеряно в памяти и, быть может, никогда не вспомню. Но ведь эти маленькие человеческие подробности и являются основой больших человеческих чувств”.

“19 января 1958 года.

Кем я буду? Я сама не знаю. Кем я хочу быть? Не знаю.

То есть, я чувствую, что я могу быть Человеком.

Я есть, я существую сейчас. Я тонко всё чувствую,

При виде неба, деревьев, снега, солнца, реки, людей,

При звуках музыки внутри всё трепещет и бьётся.

Я люблю жизнь. Я хочу жить, жить светло, чисто,

Бурно и ярко.

Но во что выльется всё то, что я имею?

Претворятся ли мои хрустальные мечты в жизнь?

И кто поможет сделать это?

И есть ли он, человек, которого я люблю?

Жизнь с которым будет счастливой,

Человек, который будет любить меня, поймёт меня?

Я думаю, он живёт, он ищет меня. Он уже любит меня такой,

Какой меня делает любовь к нему...”

Светлане, написавшей это, 19 лет. Удивительным образом слова её перекликаются со стихами её папы — известного поэта Сибири, основателя Иркутской писательской организации, Ивана Молчанова-Сибирского, написанные в двадцатилетнем возрасте в 1923 году:

Я жить хочу... я страстно жажду жить,

Но чтобы не обыденно и пусто!

Хочу гореть и всей душой любить,

Всей полнотой нетронутого чувства...

Дочь и отец были очень похожи во всём: и внешне — высокие, статные, с правильными тонкими чертами лица, синеглазые, и характером — честные, прямые, справедливые, отзывчивые. Их связывала большая дружба, они могли говорить на любые темы, делиться своими рассуждениями о жизни, обсуждать прочитанные книги.

“Читала Светлана очень много, — пишет её младшая сестра Евгения Ивановна, — у нас была прекрасная библиотека. Когда папа приезжал из Москвы, а ездил он исключительно по делам писательской организации, — всегда привозил новые книги, и мы с нетерпением ждали, когда же он начнёт распаковывать чемоданы и вручать каждому долгожданные издания.

Когда умер папа, всем нам, его детям (а нас было шестеро), очень его не хватало. Светлане же, старшей, особенно. Она лишилась верного друга, собеседника”.

Вот строки из её дневника:

“10.06.1959.

Я знаю, вернее, знала, только одного красивого мужчину. Он красив всем, красив и внешне, и внутренне. Это папа. Таких больше нет. И его нет. Нет нигде. О, боже, как это страшно. Навеки...”

“28 августа 1960 года.

Надо жить в полную силу. Дерзать. Творить.

Не бояться повседневности. Подчинять её себе.

Всегда, везде быть сильной, независимой,

И чтобы все это знали,

И никогда не раскисать, по крайней мере,

Чтобы никто не видел этого”...

В доме у Распутиных всегда было людно: приходили писатели – друзья Валентина Григорьевича, обращались за советом начинающие авторы, заходили подружки, одноклассницы Светланы Ивановны, одноклассники Серёжи и Маруси.

Все эти годы, как и всю свою жизнь, Светлана Ивановна много читала. Она знала все новинки литературы, просматривала журналы, всегда была в курсе политических событий, культурной жизни.

Умерла Светлана Ивановна Распутина 1 мая 2012 года и похоронена на Смоленском кладбище города Иркутска, рядом с дочерью Марией.

В последние годы мы с Валентином Григорьевичем чаще созванивались, чем переписывались. Когда в апреле 2013 года мне позвонили из иркутского отделения Союза писателей России и сказали, что я включён в состав делегации по предложению Валентина Григорьевича Распутина на Всероссийский праздник русской духовности и культуры “Сияние России” в Иркутске, я сначала даже дар речи потерял. Не сразу нашёлся, что ответить. Уже потом вспомнил, что месяц назад Валентин Григорьевич прислал мне подарочное издание своей книги “Прощание с Матёрой” с таким автографом: “Эдуарду Анашкину дружески, с надеждой на скорую встречу в Иркутске. В. Распутин”.

Когда приехал в Иркутск и увидел состав делегации, то ещё раз осознал юбилейную значимость праздника. Здесь собрался свет нашей литературы. Поэт, прозаик, главный редактор ведущего литературного журнала “Наш современник” Станислав Куняев, политический и общественный деятель, писатель, главный редактор газеты “Завтра” Александр Проханов, писатель, преподаватель Московской духовной семинарии Владимир Крупин, поэт, прозаик и главный редактор журнала “Москва” Владислав Артёмов, поэт и главный редактор журнала “Родная Ладога” (Санкт-Петербург) Андрей Ребров, народный писатель Республики Саха (Якутия) Николай Лугинов, выдающийся фотохудожник и кинооператор, член редколлегии журнала “Роман-газета” Анатолий Заболоцкий и, конечно, сам Валентин Григорьевич, почтивший своим присутствием многие мероприятия праздника! Позже к группе писателей присоединился молодой талантливый поэт Василий Попов. Тон празднику задавали и были “движителями” всего действия замечательные поэты-иркутяне Владимир Скиф, Василий Забелло, Михаил Трофимов.

Мы выступали в школах и учебных заведениях, в библиотеках и на предприятиях, в литературно-театральном залеоне Вампиловского центра. Были мы и у Кругобайкальской железной дороги. Не забуду поездку на малую родину Валентина Распутина в посёлок Усть-Уда, где стоит красавец храм, построенный с помощью Валентина Григорьевича. Писатели побывали в этом храме и получили благословение настоятеля, протиерея отца Владимира.

А вечером, накануне отъезда, Распутин подарил мне красочный фотоальбом выпуска 2012 года “Валентин Распутин. Дорога домой” с тёплой дарственной надписью.

Последний раз мы разговаривали по телефону с Валентином Григорьевичем 5 февраля. Он был в больнице. “Как Вы себя чувствуете? – Не очень, но мы обязательно встретимся. Есть о чём поговорить. Материал, который пишешь о читинском семинаре, пришли, посмотрю...”

Не позвонит. Не посмотрит...

Но я обещаю, что побываю на Вашей могиле, дорогой Валентин Григорьевич, и возложу букет цветов!

Похоронили Валентина Григорьевича Распутина на территории Знаменского монастыря города Иркутска.

А по России уже гремит опубликованное стихотворение русского поэта, редактора журнала “Наш современник” Станислава Куняева, посвящённое Валентину Распутину:

*На родине, как в космосе, не счесть
Огня и леса, камня и простора.*

*Всё не вместишь, не потому ли есть
У каждого из нас своя Матёра.*

*Своя Ока, где тянет холодок
В предзимний день,
От влаги загустевший,
Где под ногой ещё хрустит песок,
Крупнозернистый и заиндевевший.
Прощай, Матёра!
Быть или не быть
Тебе в грядущей жизни человеческой —
Нам не решить, но нам не разлюбить
Твоей судьбы непостижимо вещей.
Я знаю, что необозрим народ,
Что в нём, как в море, света или мути,
Увы, не счесть... Да, будет ледоход,
Да, будут после нас иные люди!
Прощай, Матёра, боль моя, прощай!
Прости, что слов заветных не хватает,
Чтоб вымолвить всё то, что через край,
Переливаясь, в синей бездне тает...*

А закончить я хочу свои воспоминания коротким отрывком из статьи Николая Савельева из “Российской газеты”... “Ему выпало похоронить не только свою дочь, жену, мать, а ещё старуху Анну, и Настёну, и ещё перешагнуть тюремные ворота с обездоленной героиней последней повести. О Господи... и это пережить... И сердце на клочки не разорвалось...”